Финал Украины и раскол Европы

Николай Н. Петров — профессор политологии в Университете Род-Айленда, ранее занимавший должность специального помощника по политике в отношении Советского Союза в Государственном департаменте США. Профессор Петров обсуждает возможное завершение войны на Украине и объясняет, почему Европа, вероятно, столкнётся с фрагментацией в результате своей прокси-войны против России. Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: Substack: https://glenndiesen.substack.com/ X/Twitter: https://x.com/Glenn_Diesen Patreon: https://www.patreon.com/glenndiesen Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: https://www.paypal.com/paypalme/glenndiesen Buy me a Coffee: buymeacoffee.com /gdieseng Go Fund Me: https://gofund.me/09ea012f Книги профессора Гленна Дисена: https://www.amazon.com/stores/author/B09FPQ4MDL

#Glenn

С возвращением. Сегодня с нами Николай Петров, профессор политологии в Университете Род-Айленда и бывший специальный помощник по политике в Государственном департаменте США по делам Советского Союза. Спасибо, что снова пришли — я с нетерпением ждал возможности поговорить с вами.

#Nicolai Petro

Рад быть с тобой, Эли.

#Glenn

Похоже, что война в Украине подходит к концу. Конечно, стоит быть осторожным с попытками заглядывать в хрустальный шар и делать слишком много прогнозов, но если говорить о военном поражении, уже не секрет, что коллапс на украинской стороне, по-видимому, усиливается. И, конечно, с ситуацией вокруг Покровска, полагаю, многое изменится. Однако люди обращают внимание на разные показатели. Это могут быть военные, экономические — ведь экономические проблемы продолжают накапливаться. Это могут быть и социальные проблемы, поскольку многие мужчины в стране либо сбежали, либо скрываются от военных вербовщиков Зеленского. В обществе растёт недовольство правительством. Всё больше людей хотят окончания этой войны и настоящих переговоров.

Но война может также закончиться из-за отсутствия политической стабильности. Мне кажется, что позиции Зеленского ослабевают, особенно на фоне коррупционного скандала. Ещё одним показателем является снижение международной поддержки среди западной общественности, а также растущие трудности с финансированием всей этой кампании и поставками военной

техники. То, что США фактически умывают руки, — хороший знак того, что они, по крайней мере, уже не в состоянии поддерживать борьбу так, как раньше. Как вы оцениваете этот крайне критический момент как для Украины, так и для НАТО в этой прокси-войне? Если сначала рассмотреть экономическую сторону, как вы видите ситуацию?

#Nicolai Petro

Итак, я пытался собрать и обобщить информацию, которая могла бы подтвердить твою точку зрения о том, что перспективы украинской победы невелики. Хм. И, как мне кажется, я выделил четыре основные причины. Первая — ну, на самом деле, они идут по порядку. Украина теряет солдат, теряет деньги и теряет людей. Пожалуй, это три. И чтобы подытожить то, что мне удалось собрать: по данным генерального прокурора Украины, 40–50 процентов украинских вооружённых сил в настоящее время считаются дезертирами или отсутствующими без разрешения. По словам бывшего генерального прокурора Игоря Луценко, ежемесячно две трети новобранцев дезертируют, а около 10 000 человек выбывают из конфликта в качестве потерь каждый месяц.

Так что, хотя им удаётся набирать по 30 000 человек в месяц, это на самом деле не увеличивает численность войск из-за высокого уровня дезертирства и потерь. Что касается нехватки денег — об этом в последнее время много писали. В двух словах, ожидаемый дефицит превышает 18%. Им придётся привлечь, если говорить округлённо, около 100 миллиардов — как минимум 100 миллиардов, по оценке аналитика Тимоти Эша, — в течение ближайших полутора лет, просто чтобы оставаться «в игре». И это помимо уже выделенных средств. А финансовый инструмент PEARL, который стал последним механизмом, разработанным «коалицией желающих» для финансирования Украины, на данный момент обеспечил обязательства всего на два миллиарда. Так что им ещё предстоит пройти долгий путь, чтобы удовлетворить базовые потребности Украины для продолжения войны.

При отсутствии этого дефолт неизбежен, и с ним можно справиться разными способами. Я вернусь к этому чуть позже. Но, думаю, в конечном счёте я бы не сказал, что Украину вынуждают закончить войну — и сейчас объясню почему. Третий момент заключается в том, что у Украины заканчиваются люди. По оценке BBC Украина, сейчас в стране проживает около 28,7 миллиона человек, тогда как в 1991 году население достигало 52 миллионов. Уровень смертности — самый высокий в мире, рождаемость — самая низкая, и всё это не сулит Украине ничего хорошего в будущем. Так что, с рациональной точки зрения, да, Украине следует при первой возможности попытаться договориться о мирном урегулировании, потому что единственная альтернатива переговорам — это капитуляция, после которой уже не останется возможности вести дальнейшие переговоры.

Многие украинские аналитики, которые выступают против или скептически относятся к стратегии режима, утверждают, что, учитывая эти сценарии, стране уже следует начать переговоры, чтобы добиться максимально выгодного соглашения. Пока Россия всё ещё готова

к переговорам, остаётся шанс что-то выторговать и выжить. Ведь как только будет достигнуто урегулирование, многие — хотя и не все — из этих негативных тенденций могут начать разворачиваться в обратную сторону. Возможно, при поддержке европейцев будет создан некий фонд для восстановления Украины. Произойдёт и частичное возвращение миллионов людей, покинувших страну, хотя, по последнему опросу профессора Головахи из Академии наук Украины, лишь около трети мигрантов сейчас задумываются о возвращении, даже после окончания войны.

Тем не менее, каждый человек вносит свой вклад в восстановление Украины. Но при отсутствии прекращения огня и урегулирования — а я различаю эти два понятия — в условиях только прекращения огня, я не думаю, что найдётся много иностранных инвесторов, готовых рискнуть и вложить крупные суммы денег в столь нестабильную ситуацию. Однако при наличии долгосрочного мирного договора такого рода инвестиции становятся возможными. Я хотел перейти к вашему более широкому вопросу, и, на мой взгляд, он действительно интересен: означает ли это, что Украина начнёт переговоры всерьёз? Ведь до сих пор она отвергала переговоры. По сути, она заявляла: «Сначала прекращение огня, потом переговоры», что, конечно, никогда не соответствовало тому, как в истории велись переговоры.

Как недавно отметил один автор в статье, переговоры по Вьетнамской войне продолжались несколько лет без прекращения огня. Прекращение огня — это первый ощутимый результат мирных переговоров. Если его нет, то возникает ситуация, как в Корее, где нет настоящего мира — война всё ещё продолжается. Технически Соединённые Штаты всё ещё находятся в состоянии войны с Северной Кореей, но действует затянувшееся перемирие. Это аномалия, потому что, как известно историкам, изначально предполагалось заключить перемирие, затем ввести полный эмбарго на поставки оружия как для Северной, так и для Южной Кореи, фактически вынудив обе стороны к долгосрочному мирному урегулированию, которое должно было быть подписано — или, по крайней мере, ратифицировано — на Женевском саммите 1954 года. Но тем временем Соединённые Штаты забыли о Корее и переключили внимание на Вьетнам.

Таким образом, их интерес в Юго-Восточной и Восточной Азии полностью сместился, и они просто забыли о Корее, считая этот вопрос урегулированным. Я не думаю, что здесь произойдёт то же самое. Мне кажется, что сценарий в Украине, учитывая националистические настроения в стране, скорее будет похож на ситуацию на Ближнем Востоке, где мы периодически наблюдали прекращения огня. Но в любой момент всё может начаться снова. И именно этого, конечно, ожидают убеждённые украинские националисты — того, что они фактически хотели бы видеть как способ разрешения конфликта. Поэтому, учитывая внутреннюю сложность и тот факт, что многие европейские лидеры, как мне кажется, вложили слишком много своей политической карьеры в защиту Украины, они не готовы отказаться от своих максималистских целей в отношении Украины.

Боли было недостаточно, и её всё ещё недостаточно — ни для них, ни для их стран, чтобы оправдать изменение политики. Европа, похоже, полностью вовлечена — сражается до последнего украинца, — потому что издержки для неё минимальны. На самом деле, для нынешних европейских лидеров продолжение войны приносит больше выгод, чем её окончание, особенно в ближайшие пять лет, что составляет целую политическую жизнь для европейского политика. Им остаётся лишь надеяться на экономический стимул — резкое увеличение военных расходов. И, думаю, они будут утверждать, что это создаст некий мультипликативный эффект. Они скажут, что всё это во благо, ведь это защищает Европу, снижает безработицу и даёт возможность укрепить государство не только в военном отношении.

Вероятно, будут введены ограничения на границах. Появятся всевозможные внутренние законы, направленные на поиск врагов государства, многих из которых объявят выходцами из России — но не только из России. Они могут быть и из множества других стран. И всё это, как считают центристские и левоцентристские партии, придаст им нужный оттенок правой политики, чтобы привлечь избирателей и оттянуть поддержку у растущего влияния крайне правых партий в Европе. Поэтому я не вижу, чтобы нынешние европейские лидеры собирались отказываться от своей нынешней стратегии. Это даст неоправданную надежду нынешнему украинскому руководству, и, как мне кажется, они, к сожалению, будут продолжать войну настолько долго, насколько это возможно — по-человечески и бесчеловечно.

#Glenn

Ну, если посмотреть со стороны России, мне кажется, они были бы очень заинтересованы в достижении соглашения или прекращении войны — чтобы остановить убийства и, конечно, прийти к какому-то разумному урегулированию. Но при этом, по моему впечатлению, чем ближе Украина к коллапсу, тем меньше у россиян стимулов соглашаться на какой-либо компромисс или сделку. И часть причины, как я это вижу, заключается в том, что они не верят, что Запад выполнит хоть одно подписанное им соглашение. Они вспоминают 2014 год, когда европейцы должны были быть гарантами правительства национального единства. Они помнят, как западные страны подписывали Минские соглашения. Но они также помнят 2019 год, когда те же страны оказывали давление на Зеленского, чтобы он отказался от мирной платформы.

Они помнят 2022 год, когда стамбульские переговоры были сорваны. И действительно, НАТО вообще не должно было расширяться. По этому поводу существовали договорённости к концу холодной войны. Так что, знаете, можно вспомнить «Партнёрство ради мира» в 90-е — это тоже воспринималось как обман, особенно с учётом всех соглашений по контролю над вооружениями, которые впоследствии развалились. И даже если перемотать к настоящему времени, все призывы к прекращению огня — если послушать европейских лидеров, они довольно откровенно говорят, чего именно должно достичь перемирие. Оно даёт им передышку, чтобы перевооружить Украину, позволить ей набрать больше войск, укрепиться и

подготовиться к продолжению боевых действий. Поэтому очень трудно понять, почему русские должны доверять какому-либо соглашению, особенно такому, которое позволило бы войскам или технике НАТО продолжать поступать на Украину.

Но если дело дойдет до коллапса, как ты думаешь, что русские попытаются захватить? Я имею в виду, если смотреть шире, помимо гуманитарных вопросов — заботы о русскоязычном населении — общая стратегическая цель, похоже, заключается в том, что, ну, если бы они взяли Одессу, страна оказалась бы без выхода к морю. Это не сделало бы её бессильной, но значительно осложнило бы Украине возможность представлять угрозу для России в будущем — как прокси НАТО или плацдарм. Как ты думаешь, русские пойдут на это — дойдут до Одессы? Потому что это то, что действительно могло бы спровоцировать более активное, по крайней мере французское и британское, вмешательство. Кажется, они… они тоже очень хотят Одессу.

#Nicolai Petro

Да. Ну, это, полагаю, было частью обоснования Крымской войны в середине XIX века. И мы знаем, что при украинском министре обороны Резникове Украина подписала соглашение с британскими военными о создании базы на Чёрном море — нового укрепления, которое должно было поддерживаться и финансироваться британцами. Так что эти амбиции сохранялись уже некоторое время. Но я не знаю. Понятия не имею, какова грандиозная стратегия России, и часть её, без сомнения, будет оппортунистической. Иными словами, насколько далеко Россия может зайти в расширении своей территории и влияния, будет зависеть от того, насколько решительно рухнет оборона Украины.

Можно представить множество различных сценариев. Однако Россия находится в психологически и стратегически более выгодном положении по сравнению с Украиной, поскольку её заявленные цели — а именно освобождение четырёх территорий, на которые она сейчас претендует, плюс Крым, то есть всего пяти регионов — по крайней мере, выглядят достижимыми. В то время как военные цели Украины, которые не изменились с момента вторжения, заключаются в восстановлении границ 1991 года, то есть в возвращении всех пяти регионов. Это кажется всё менее вероятным. Поэтому, если предположить, что наиболее вероятный сценарий заключается в достижении Россией своих заявленных военных целей, то следующий вопрос состоит в том, насколько целесообразно сейчас, после четырёх лет войны, пересматривать эти цели.

Другими словами, у России никогда не было цели захватить всю Украину или расширяться за пределы этих пяти регионов. Поэтому, как мне кажется, если бы они достигли того, что изначально планировали, они могли бы объявить о победе и использовать этот момент, чтобы получить значительное влияние — не только на Украину, но и на Европу — именно за счёт того, что не стали бы продвигаться дальше. Сказав: «Посмотрите, мы ликвидировали оборонительный периметр, который Украина создала на востоке. Мы могли бы продвинуться

дальше на украинскую территорию и даже дойти до Киева или стратегически важных городов, таких как Днепр и Одесса, но мы не хотим этого делать. И если мы сможем заключить содержательный мирный договор с Украиной, мы этого не сделаем».

Мне кажется, привлекательность принятия такой позиции для России заключается в том, что, видя неизбежность дальнейших потерь, некоторые более рационально мыслящие люди на Украине могли бы в этот момент быть готовы к переговорам. Кроме того, это опровергло бы стандартный нарратив НАТО — что Россия бездумно продвигается вперёд при любой возможности, стремится захватить всю Украину и не остановится даже на границе. Если же Россия остановится на своей цели, действительно остановится и будет искать переговоров на том рубеже, который она обозначила четыре года назад, и не станет сразу двигаться дальше, я думаю, это нанесло бы серьёзный удар по про-военным силам в Европе. Это показало бы, и, на мой взгляд, усилило бы позиции тех, кто утверждает, что с Россией возможны переговоры.

Потому что, на самом деле, не так много людей за пределами определённых военно-промышленных интересов хотят такого резкого увеличения военного бюджета, учитывая издержки, которые это возложит на жителей Европы. Это, по сути, не совсем уничтожит, но значительно сократит систему социальной защиты в Европе. И последствия этого, как мне кажется, не были как следует продуманы и ещё не прошли проверку в политике ЕС. Я не думаю, что это обернётся хорошо для тех партий, которые поддерживают войну ценой общественного благополучия.

#Glenn

Ну, Россия уже вошла, причём всё активнее, и в Херсон, и в Днепропетровск. И, ну, я могу представить, что они могли бы быть готовы обменять эти территории, например, на Херсон.

#Nicolai Petro

Я думаю, это скорее тактический, чем стратегический манёвр. Я имею в виду, опять же, я не военный аналитик. Но мне кажется, судя по сигналам, которые можно уловить от России — и которые можно найти в некоторых западных источниках, — они, похоже, намекают на некий обмен, который позволил бы снизить цену за взятие оставшейся части Донецка, например. Потому что в Донецкой области они уже взяли Бахмут, Покровск, Авдеевку, но там всё ещё остаются Краматорск, Славянск и ряд крупных, хорошо укреплённых городов, прежде чем вся область будет занята. Поэтому стратегия России заключалась в длительном, изнуряющем, долгосрочном военном подходе, а не в быстром, решающем ударе, поскольку это позволяет им минимизировать потери со своей стороны.

И даже в этом случае, как и в предыдущих осадах, которые они проводили на Донбассе, они предложили украинским солдатам возможность отступить. Но, по-видимому, украинским солдатам их командиры приказали не отступать. И это напрямую привело к очень большим

потерям, которые сейчас несут украинские войска. Потому что, насколько я понимаю, у россиян такое превосходство в артиллерии и дронах, что собственно солдаты с российской стороны вступают в бой уже после того, как дроны и артиллерийские удары сделали своё дело, и фактически занимаются зачисткой.

#Glenn

Но вы всё же видите какой-то путь для дипломатии? Ситуация ухудшается с невероятной скоростью, однако у европейцев, похоже, нет никакого намерения даже начать дипломатические контакты с россиянами. Они даже не хотят с ними разговаривать. И вместо этого, как вы уже отмечали, наблюдается почти готовность каким-то образом вступить в войну. Действительно, стратегия украинцев, по-видимому, заключается в том, чтобы вовлечь НАТО, а стратегия европейцев — в том, чтобы попытаться привлечь американцев. Поэтому очень трудно понять некоторых политиков — действительно ли они имеют в виду то, что говорят. Но, опять же, риторика такова, что они готовятся к войне. Они прямо говорят, что готовятся к войне. Сейчас в армию вливаются огромные средства. Это не оборонный бюджет; это также подготовка к войне. Так что создаётся впечатление, что дипломатию в целом отвергают, а готовятся именно к войне.

#Nicolai Petro

Сказав это, я думаю, вы правы. Идут приготовления к войне, но НАТО в настоящее время не готово к войне и не будет готово еще несколько лет. В результате, если Россия завершит войну до того, как НАТО почувствует себя достаточно уверенно, чтобы вмешаться, то, полагаю, для НАТО игра будет окончена. Думаю, часть более глубокой логики поддержки Украины на любом возможном уровне — даже минимальном — и предоставления ей всей риторической поддержки, которую могут предложить НАТО и ЕС, заключается не столько в том, чтобы дать Украине шанс выжить, сколько в том, чтобы дать НАТО время перевооружиться, после чего его угрозы вмешательства станут более убедительными. Потому что сейчас, как мне кажется, они не слишком убедительны.

Все, что НАТО действительно может сделать через эту коалицию желающих, — это отправить несколько тысяч, возможно, десятки тысяч, но, вероятно, меньше 50 000 солдат. Помните, вся британская армия насчитывает, сколько, 70 000 или 80 000 человек? Просто не хватает людских ресурсов. Нет нужных технологий. НАТО не готово к войне. Именно поэтому, отчасти, вы видите, как самые маленькие и слабые страны НАТО — например, государства Балтии — утверждают, что старший брат, более крупные члены НАТО, должны взять на себя инициативу и воевать. А они сами отправят тысячу солдат — вот и всё их участие. Но основная тяжесть ляжет на Германию, Великобританию и Францию.

В результате в НАТО возник настоящий раскол. Я думаю, что даже сейчас, несмотря на всю риторику, ни одна крупная европейская держава не готова направить войска. Если меньшие

страны, такие как государства Балтии, будут продолжать настаивать на прямом вмешательстве НАТО, это, на мой взгляд, приведёт к довольно серьёзному расколу внутри альянса — между «ястребами», которые готовы сражаться первыми, но только если все остальные тоже вступят в бой, и более рассудительными, опытными членами НАТО, которые понимают, по крайней мере, что, во-первых, они не могут действовать без Соединённых Штатов, а во-вторых, что им самим это грозит огромными политическими потерями — не говоря уже об экономических. Они потеряют политическую поддержку в своих странах, и, возможно, не только на одни выборы, а на гораздо более длительный срок, возможно, на целое поколение.

#Glenn

Ну, я думаю, что часть паники в Европе связана не столько с Россией или Украиной. Настоящее беспокойство вызывает то, что произойдет с континентом после этой войны, потому что наши политики поставили на кон всё, что могли. Они отправили всё своё оружие, пожертвовали значительной частью европейских экономик, лгали и безостановочно распространяли пропаганду. И теперь становится всё очевиднее, что они не смогут писать историю, когда эта война закончится. Так что, учитывая, насколько велик был этот риск, как вы думаете — каким будет облик Европы после войны, если она завершится военной победой России и Россия фактически будет диктовать условия?

#Nicolai Petro

Да, я думаю, это сложная ситуация для традиционных партий в Европе, потому что у них действительно нет хороших вариантов. Если они продолжат финансировать войну, она просто затянется. Но экономические последствия для них будут разрушительными. И хотя инвестиции в военную сферу могут немного это компенсировать, постоянно будут возникать вопросы относительно этой стратегии и неспособности Европы снова стать лидером экономического роста, а не просто выживающим участником. И это — в лучшем случае. Если Россия победит, тогда все эти вопросы о стратегических ошибках и неправильной оценке ситуации, которым нынешние правительства — начиная с 2008 года, а может быть, с 2014-го — подвергли свои страны, станут вопросами непосредственной политической значимости. И именно они станут козлами отпущения.

Очевидно, нынешняя политическая элита станет козлом отпущения, что может привести к политическому землетрясению в Европе — такому, которое фактически выровняет поле и создаст новые политические партии и новые политические возможности, сметая Великую коалицию, которая, кстати, вовсе не должна была быть воссоздана после последних выборов. На тех выборах СДПГ в Германии — социал-демократы — отделились от христианских демократов именно потому, что в этой большой коалиции у них не было собственной идентичности, они постоянно находились в тени более крупной партии. Тем не менее, на этот раз они снова согласились на участие. Но более глубокий вопрос заключается в том, почему вообще кто-то должен голосовать за социал-демократов, если они всегда будут подчинены

своему партнеру по коалиции, который, по крайней мере идеологически, находится в противоположном лагере от христианских демократов.

Больше нет смысла в существовании этой большой коалиции центристских партий, и, как мне кажется, люди всё чаще будут искать ей альтернативу. Это не обязательно означает, что её место займёт крайне правая или альтернативно правая сила. И даже если так произойдёт, ей всё равно понадобятся партнёры по коалиции. Я думаю, что названия нынешнего поколения политических партий могут трансформироваться во что-то иное. В любом случае, я вижу будущее, в котором традиционные партии исчезнут и будут заменены какой-то новой политической коалицией, потому что идеологические определения христианских демократов и социал-демократов имели смысл в эпоху холодной войны — но в глобальную эпоху, где доминируют евразийские державы, а Европа играет второстепенную или даже третичную роль, это действительно теряет смысл.

И, кстати, дело не только в том, что Евразия поднимается — дело в том, что союз с Америкой, трансатлантический альянс, больше не выглядит таким желанным. Именно это и было главным притяжением центристских партий в Европе после Второй мировой войны: оставалась только Америка, к которой можно было прижаться, потому что альтернативы Востоку не существовало. Сегодня же существует множество альтернатив и ряд стран, с которыми Европа могла бы заключить союз. Поэтому, я думаю, эти другие возможности со временем будут обсуждаться и станут более привлекательными в Европе после украинской войны.

#Glenn

Ну, это тоже мое ожидание. Как вы сказали, в прошлом Америка была единственной силой на арене — это объединяло. Но как европейцам следует реагировать на упадок США? Ведь некоторые выступают за укрепление остатков политического Запада, сокращая связи с Китаем, Россией и другими, а также обещая большую лояльность США, чтобы восстановить этот политический Запад.

Другие считают, что наилучшим ответом на упадок США — и на их переход к более эксплуататорской, почти даниобразной экономике, в которой они стремятся получить больше преимуществ от своих партнёров, — было бы диверсифицироваться, не складывать все яйца в американскую корзину. Ведь тогда американцы смогли бы, ну, указывать нам, что делать. Однако идея о том, что тридцать стран смогут договориться об одном подходе или другом, учитывая, что они в значительной степени взаимоисключающие, выглядит несколько нереалистичной. Поэтому представление о том, что Греция и Латвия должны проводить одинаковую внешнюю политику, кажется более абсурдным — или, по крайней мере, более отдалённым — теперь, когда Соединённые Штаты теряют интерес к Европе и начинают сокращать своё присутствие.

#Nicolai Petro

Даже если Соединённые Штаты при последующем президенте изменят курс и вновь проявят интерес к Европе, я думаю, им всё равно придётся вести трудную борьбу, чтобы сохранить интерес Европы в более сбалансированном мире экономических и политических возможностей. Разница между двумя описанными вами сценариями заключается в том, что один обращён к прошлому — и другой, я должен сказать, тоже обращён к прошлому, — потому что именно там ощущаются стабильность, предсказуемость и уверенность. Именно это сегодня предлагают европейской общественности: не беспокойтесь о будущем, давайте просто делать то, что всегда делали, и смотреть на Соединённые Штаты.

Даже если Соединённые Штаты больше не играют ту роль, которую традиционно играли, мы всё равно будем делать вид, что это так, и продавать этот нарратив европейской общественности как форму успокоения. Альтернатива сложнее для восприятия: смотреть в будущее и не бояться его. Мы не знаем точно, где окажутся наши союзы и лучшие друзья в будущем мире, которым будет доминировать Евразия, но для Европы это скорее мир возможностей, а не страха. Я считаю, что этот взгляд более обнадёживающий, но его труднее продвигать — особенно среди нынешних политических элит Европы. И именно здесь начинают проявляться различия: разные элиты в разных странах делают разные стратегические выборы.

И в результате, я думаю, что Европейский союз вполне может — обладает значительным потенциалом — фрагментироваться на несколько подобных организаций. Ведь до того, как Европейский союз стал Европейским союзом, существовали Европейское экономическое сообщество и Европейское сообщество, а также его соперник в Европе — Европейская ассоциация свободной торговли. Эти две структуры прекрасно сосуществовали. Основное философское различие между ними заключалось в том, что Европейский союз был привержен идее некоего наднационального содержания — определению Европы как единого пространства, тогда как Европейская ассоциация свободной торговли, по сути, утверждала, что всё, чего мы действительно хотим, — это свободная торговля, передвижение и возможности.

Мы не хотим создавать какую-то всеобъемлющую европейскую идентичность, потому что в этом нет необходимости. Я считаю, что возрождение Европейской ассоциации свободной торговли в качестве альтернативы Европейскому союзу вполне возможно. Не уверен, что это вероятно, но, безусловно, это идея, которую можно рассмотреть — особенно если она позволит сохранить хорошие экономические отношения с европейскими соседями. Это, безусловно, было бы в интересах тех, кто остаётся в ЕС, а также способствовало бы установлению хороших, взаимовыгодных экономических связей с растущими державами Евразии.

#Glenn

Да, это довольно… ну, можно даже понять, почему европейцы так паникуют, потому что если бы Украине каким-то образом удалось победить Россию, возникла бы эта «большая Европа» — без России, разумеется, — но с украинцами, сотнями тысяч закалённых в боях солдат, готовых не просто ослабить, но и вытеснить роль России в Европе. Американцам было бы комфортнее остаться. Похоже, в этой борьбе всё было поставлено на карту. И они бросили кости.

#Nicolai Petro

Я бы сказал, что с точки зрения нынешних европейских стратегов это тоже недальновидный взгляд, потому что все проблемы, которые привели к Брекзиту и вызывают фрагментацию внутри Европейского союза, существуют уже десятилетиями. И они только усилились бы при дальнейшем расширении на восток, особенно при включении в ЕС такой славянской православной страны, как Украина. Каждый раз, когда происходило расширение на восток, это, я бы сказал, подпитывало мечты тех, кто стремится к общеевропейскому единству. Но в то же время государства, недавно вступившие в союз, приносят с собой собственный исторический багаж и традиции, которые частично приходится адаптировать к существующим европейским, но которые также изменяют политическую культуру Западной Европы.

В результате ЕС, как мы видели в последние годы, стал гораздо менее либеральным. ЕС — я люблю его как либеральную мечту, мечту об индивидуальных возможностях, но также о способности преодолевать национальные разделения, с свободным обменом идеями, границами и людьми. Всё это теперь оказалось обращено вспять. И нельзя сказать, что это лишь реакция на войну, потому что все понимают, что Европа, я бы сказал, не обязана была участвовать в войне так, как она это сделала. Одна из причин, по которой, на мой взгляд, ЕС так глубоко вовлёкся, заключается в том, что элиты внутри ЕС уже искали возможности для установления большего контроля над внутренними свободами.

В результате нарушения языковых прав, нарушения культурных прав меньшинств, прямое вмешательство в политические кампании стран Восточной Европы — там, где результаты выборов близки и существует опасение, что так называемая «пророссийская» партия может победить, — теперь происходят открыто, хотя это напрямую противоречит изначальным ценностям ЕС. В результате это противоречие больше невозможно скрывать, и оно неизбежно приведёт к усилению трений внутри ЕС, что, как я полагаю, в будущем приведёт к определённому расколу.

#Glenn

Да, это интересная пресс-конференция, где Виктор Орбан сидит рядом с Дональдом Трампом. Он, по сути, говорит, что причина, по которой все европейцы решили поставить всё на эту войну, в том, что Байден, так или иначе, уговорил их на это. Так что, да, он фактически возлагает вину на американскую сторону за то, что европейцы потеряли рассудок. А Трамп

сидит рядом и почти ничего не говорит. Даже когда Орбан высказывает эту мысль, это звучит как — подождите, что?

#Nicolai Petro

Извини, я потерял нить мысли. Байден — удобный козёл отпущения, потому что он больше не у власти. И есть ведь — ну, ты понимаешь, Орбан не дурак. Он знает, что ему не нужно оскорблять нынешних политических лидеров, ссылаясь на их непосредственных предшественников и обвиняя их. Проще свалить всё на Байдена. Но он в другое время говорил, что европейское политическое руководство, которое втянуло нас в войну, в полную поддержку этой войны, виновато не меньше, чем прежнее американское руководство. И, конечно, нынешние политические лидеры просто продолжают их политику. Так что любому наблюдателю легко увидеть эту связь.

#Glenn

Ну, театральность Трампа тоже становится довольно очевидной, потому что не так давно он писал в твиттере, что Украина может выиграть войну. А теперь, когда он сидел рядом с Орбаном, он спросил: «Как думаешь, они могут выиграть?» И Орбан ответил: «Ну, думаю, чудеса возможны» — или что-то в этом духе. И Трамп согласился и начал посмеиваться. То есть... вполне очевидно, что он не обязательно имеет в виду всё, что говорит. Скорее, это — да, часть шоу, наверное.

#Nicolai Petro

Даже сейчас американские аналитики — и аналитики со всего мира — смотрят на то, что говорит Трамп, и… не знаю. Думаю, его стратегия заключается просто в том, чтобы быть непредсказуемым. Если на одной неделе он говорит одно, то, как мне кажется, где-то в глубине сознания он уже обдумывает, как сказать противоположное в течение следующих двух недель, потому что считает, что это дает ему пространство для маневра по отношению ко всем многочисленным противникам — как внутренним, так и внешним. Он не осознаёт — и у него нет причин это делать, ведь это не его работа, — но это должно быть задачей госсекретаря и профессиональных аналитиков в армии, разведсообществе и Госдепартаменте — объяснить ему, что, делая заявление, он формирует политику. А когда эти заявления противоречат друг другу, Америка выглядит ненадёжной и нерешительной. И это тоже имеет последствия для того, как он может проводить политику.

Я не думаю, что он легко это понимает, потому что даже в собственных компаниях, насколько я знаю, он стоит во главе миллиардной корпорации. На самом деле он не должен принимать финансовые решения или участвовать в переговорах. Сами переговоры — о том, какова оценка, что мы обменяем на ту или иную собственность — всем этим занимаются юристы и бухгалтеры. Ему должны представить общую картину, чтобы он понял стратегию своей

компании. Он должен просто поставить подпись, если эти параметры соответствуют его целям. Но в данном случае он по-прежнему ведёт дела Америки так же, как вёл свои личные дела: «Я приму решение, а все подо мной сделают, как я скажу». Ну а в правительстве это ещё менее вероятно, чем в бизнесе.

#Glenn

Он, кажется... ну, я бы сказал, что он, похоже, осваивает это, но, может быть, ещё не совсем. В любом случае, спасибо, что уделили время. Я это ценю. Это захватывающее развитие событий. Складывается впечатление, что изменения, которые раньше происходили из месяца в месяц, теперь почти из недели в неделю, а затем изо дня в день. Изменения происходят всё быстрее. Что...

#Nicolai Petro

Не будем забывать, когда мы склонны к пессимизму из-за отсутствия предсказуемости, что это означает предсказуемость как плохих, так и хороших событий. Внезапный прорыв — «давайте встретимся в Анкоридже», «давайте встретимся в Будапеште», «давайте встретимся где угодно». Такие возможности тоже возникают из этой неопределённости. Так что не стоит быть слишком пессимистичными. Согласен. Спасибо. Спасибо.